

О ПОДХОДАХ К РАБОТЕ НАД БОГОСЛУЖЕБНЫМИ ТЕКСТАМИ: ИСПРАВЛЕНИЕ КНИГ ИЛИ ИСПРАВЛЕНИЕ СЛУЖБ

1. Этот доклад обязан своим появлением документу Межсоборного присутствия «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». Обсуждение этого документа, к сожалению, пошло по пути очередной стычки между церковными либералами и консерваторами. Между тем этот документ ставит ряд проблем, уклониться от обсуждения которых нам в любом случае не удастся. И первой среди этих проблем является вопрос об исправлении богослужебных текстов. С тем, что исправление богослужебных книг необходимо, я думаю, никто спорить не будет. Вопрос лишь в том, каков будет масштаб этого исправления – ограничится ли редакторская работа исправлением вопиющих ошибок и незначительной орфографической унификацией или же речь должна идти о масштабной редактуре. Ниже мне бы хотелось остановиться на возможных общих принципах такого рода работы. Наши действия по исправлению книг будут зависеть от ответа на некие базовые вопросы.

Первым из них является вопрос о том, считаем ли мы, что в истории богослужения был «золотой век», период, к которому мы призываем вернуться. Провозглашая существование «золотого века», мы провозглашаем и то, что нашей задачей является реконструкция (восстановление, возрождение — как угодно) ситуации определенной эпохи.

В этом случае в нашем распоряжении оказывается некий текст (по всей видимости, греческий), на который следует ориентироваться. Именно такой подход декларировался во время Никоновской sprawy (на практике, как мы знаем, там все было намного сложнее). При таком подходе богослужебные тексты становятся более правильными (естественно, с точки зрения редактора), но не более понятными. А поскольку отправной точкой нынешней дискуссии является именно понятность богослужения, то этот подход в качестве основного явно не должен рассматриваться.

Таким образом, у нас остается лишь тот вариант редактирования, который я бы назвал филологическим. При таком подходе мы исходим из того, что наличные богослужебные тексты не имеют существенных смысловых ошибок и недочетов, а проблемы, которые редакторы должны решить, являются чисто языковыми. Это именно то, к чему призывал святитель Феофан Затворник — «упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг».

2. И здесь – в цитате из святителя Феофана – я, наконец, произнес слово «книга», которое пытался не произносить. Дело в том, что на протяжении последних столетий все работы по редактированию богослужебных текстов называют «исправлением книг», «редактированием книг», «книжной справой» и т. д. То есть, точкой отсчета в этой работе является именно текст книги и, в первую очередь, книги печатной.

Та традиция функционирования богослужебных текстов, к которой мы принадлежим, сформировалась в результате изобретения книгопечатания. Именно книгопечатание дало техническую возможность стандартизировать богослужение. Характерно, что утвержденный Тридентским собором текст *Missale Romanum* был впервые напечатан в 1570 году, то есть через сто с небольшим лет после Гуттенберга. Именно книгопечатание давшее возможность литургической унификации, способствовало переносу общественное внимание со звучащего текста на текст печатный. Напомню, что этот Тридентский миссал предписывал всему католическому миру единую форму обряда.

3. На Руси мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Идея максимально приближенного к греческому оригиналу общенационального стандарта начинает реализовываться примерно через столетие после начала книгопечатания. При этом в центре внимания справщиков оказывается письменный текст, который и воспринимается как первичный. Об ориентации на письменный текст свидетельствует тот факт, что в процессе редактирования изменения подвергались не только лексика, морфология и порядок слов (что имеет отношение к пониманию текста), но и элементы, которые ни коим образом не помогают церковному чтецу и полностью теряются в звучащей речи.

3.1. В первую очередь, здесь следует назвать принцип антистиха (то есть использование дублетных букв и знаков ударения для противопоставления лексических и грамматических омонимов), который в никоновское и послениконовское время реализуется весьма последовательно. Однако трудно себе представить, что при чтении этих текстов вслух все орфографические изыски могут хоть как-то работать. Между тем, работа над совершенствованием орфографии продолжалась и после того, как Никоновская и послениконовская справа завершилась.

Орфография и пунктуация оказались наиболее открытыми для влияния орфографии и пунктуации русского литературного языка. Сначала это коснулось правил распределения прописных и строчных букв. В Юго-Западной Руси прописные буквы в богослужебных текстах, по всей видимости, начали использоваться достаточно рано. По крайней мере, в Требнике Петра Могилы (Киев, 1646 г.), они уже используются. В Московских же изданиях их не было. Просмотренные нами издания Триоди разных лет дали такую картину: московские издания Триоди 1635, 1650 и 1656 гг. знают прописные

буквы только в начале предложения или фрагмента, а в изданиях 1699, 1725, 1732 прописные буквы, кроме того, используются и в предисловиях. История употребления прописных и строчных букв в книгах церковной печати еще не написана. Вероятно, переломный момент был где-то в середине – второй половине XVIII века. В 1748 году появился указ Синода, предписывавший иеромонахам Варлааму (Лашцевскому) и Гедeonу (Слонимскому) «в собственных именах людей, градов, островов, рек, гор, источников и прочего начинающиеся литеры писать большими заставными литерами»¹. Указ появился в связи с работой Варлаама и Гедeона над текстом Библии. Вскоре эта норма стала распространяться и на другие чeтыи книги. Показательным в этом отношении оказывается сравнение двух изданий «Житий святых» Димитрия Ростовского, вышедших в Киеве с интервалом 5 лет. Если издание 1759 года прописных букв не знает, то в издании 1764 они последовательно употребляются. Понятно, что ни Елизаветинская Библия, над которой трудились Варлаам и Гедeон, ни «Жития» святителя Димитрия не предназначались для чтения вслух. Таким образом, первоначально прописные буквы начинали использоваться в текстах, предназначенных для келейного чтения, а не для богослужебного использования. А затем эта норма распространилась на все типы текстов.

3.2. Аналогичную картину мы наблюдаем и в сфере пунктуации. Основной функцией церковнославянских (не русских!) знаков препинания является указание на место паузы при чтении, на что, собственно говоря, указывает их название «знаки препинания», т.е., знаки, которые обозначают место паузы.

Современная русская пунктуация устроена иначе. Она подчеркивает логическую структуру предложения. Эта система более или менее сформировалась к началу XIX века. В результате обучения в школе люди стали воспринимать пунктуационную систему русского языка как единственно возможную, что неизбежно вело к ее влиянию на церковнославянскую. Этому способствовало и то, что, в отличие о русской, церковнославянская пунктуация не имела внятного описания.

Вследствие всего сказанного церковнославянская пунктуация стала восприниматься как «испорченная» русская. Во второй половине XIX века периодически высказывались предложения приблизить орфографию церковных книг к нормам гражданской орфографии. В Триодях, исправленных в начале XX века, последовательно выделялись запятыми обращения, снимались запятые, соединяющие однородные члены с одиночным союзом и, и т. д. Пунктуация становилась все больше ориентированной на человека, читающего текст про себя. Она не подсказывает места пауз. Такая система знаков препинания требует введения параллельной разметки для чтецов (звездочек и

¹ 480

проч). Это, кстати сказать, было полностью реализовано в набранных гражданскими литератами Зеленых минеях, где пунктуация русская, а в качестве разметки для чтецов использованы слэши.

4. Заявляя о решении проблемы понятности богослужения (текста звучащего) мы практически сразу начинаем говорить о редактировании книг (текста письменного). Причины такой невольной подмены очевидны. С одной стороны, все, что мы знаем о такой работе из опыта прошлого, это всегда работа над текстами. Никакого материала кроме письменных текстов в нашем распоряжении нет. Да мы и не умеем работать ни с чем, кроме письменного текста. С другой стороны, тот факт, что письменный текст не тождественен тексту звучащему, осознан уже давно. Именно на звучащий текст должно быть ориентировано то исправление богослужебных текстов, идея которого последнее время носится в воздухе. И в современной редакторской практике должен быть предусмотрен и прописан механизм обращения к звучащему тексту. Во времена Никоновской sprawy существовал институт патриаршего утверждения текста, при котором исправленная книга читалась вслух в присутствии патриарха.

Я не готов предлагать конкретных методик. Задачей этого доклада было проговорить лишь один момент, который, на мой взгляд, должен быть отражен в общецерковном документе, посвященном богослужебному языку.